

Дмитрий Харченко

КАК ХОМЯЧОК

КРОША ЗЁРНЫШКИН
НАУЧИЛСЯ
БЫТЬ ДОБРЫМ

РАССКАЗ ДЛЯ ДЕТЕЙ О СОВЕСТИ

В одной ветхой деревушке, окружённой полями колосистой золотой пшеницы, в доме старого мельника Степаныча жил-поживал, горя не знал хомячок по имени Кроша. Степаныч любил своего Зёрнышкина, и поэтому зимой и летом у Кроши было всё, что ни пожелала бы его мохнатая душа. Бывали дни, когда хомячку было нечем заняться. Он сидел и только ради интереса считал, сколько зёрен могут вместить его безразмерные щёки, которые всегда лежали на пушистом животике, постоянно наполненном всё той же пшеницей.

... 155, 156, 157... Так изо дня в день он увеличивал свой счёт. Когда такая математика ему надоедала, он выкатывался на улицу, чтобы освежить аппетит, и возвращался в своё обиталище уже слегка проголодавшимся.

Однажды, когда Кроша прогуливался в очередной раз вдоль поля, он услышал писк. Это был жалобный писк. Зёрнышкин никогда не слышал таких звуков и хотел было вытянуть шею, чтобы из любопытства посмотреть, что там происходит, но увесистые щёки с зерном помешали ему это сделать. Он махнул лапкой и молча побрёл по намеченному пути. Тем временем тропинка, по которой он шёл, завернула вправо и привела его к маленькому худющему мышонку, который лежал и попискивал от голода. Почему-то это был очень грязный мышонок, и Кроша не решился приблизиться к нему, чтобы не испачкаться. Да и спросить, что случилось, он не смог, потому что

боялся, что как только откроет свой рот, то все его чемпионские 158 зёрнышек, которые он недавно усердно втиснул в себя, рассыплются во все стороны.

Когда Кроша вернулся на свою лежанку, то почувствовал, что кушать, как в предыдущие дни после прогулки, он не хочет. Не захотелось ему есть и на следующий день, и через день. Он пробовал играть с самим собой, но игра не приносила ему ни капельки радости.

Он лежал и думал, почему ему так печально? Ответ на свой вопрос он так бы и не сумел найти, если бы не случай, который произошёл с его хозяином Степаньчем.

Напротив жилища мельника, через дорогу, стояли три стареньких домика. В одном из них жила старушка Настасья. Она была больна и не могла трудиться даже в своём огороде.

Однажды Настасья приходит к мельнику и говорит:
— Степаныч, здравствуй! Может, у тебя есть немного пшенички для меня? Будь добр! Насыпь в эту баночку, не откажи одинокой.

Настасья достала бережно завёрнутую стекляшку и протянула её мельнику. Степаныч недовольно посмотрел и буркнул:

— Настасья! Ты что? Разве ты не знаешь, что урожай в этом году будет намного меньше, чем в прошлом? Мне бы самому дотянуть до следующего сезона.

Настасья побледнела. Глаза её наполнились слезами. Слегка всхлипнув, она поклонилась мельнику и, сказав: «Прости», удалилась в свою избушку.

От такого кроткого слова «прости» Степаныч даже как-то заёжился. Обычно, когда он кому-нибудь отказывал в подобных просьбах (а это случалось частенько), он спокойно продолжал заниматься своими делами, а затем, подкрепившись на ночь плотным ужином, ложился спать.

В этот же вечер мельник потерял сон. Он ворочался с боку на бок и не мог понять, что с ним происходит. Всю ночь Степаныч провалялся в постели, но заснуть так и не смог. Рано утром, услышав скрип соседской калитки, он быстро поднялся с кровати, выглянул в окно и увидел уходящую Настасью всё с той же пустой стекляшкой. Было видно, что старушке действительно нечего кушать.

Никогда у мельника не было на душе так тяжело, как сегодня. Как будто камень положили ему на грудь. Мысли о вчерашней просьбе Настасьи всё чаще приходили к нему на ум. И чем дальше от своего дома уходила старушка, тем тяжелее становилось Степанычу.

Зазвонили в колокола... Этот звон был очень хорошо знаком мельнику, потому что дом его находился недалеко от храма. Степаныч вспомнил, как ещё в детстве бабушка водила его туда. В памяти остались только сладкий запах восковых свечей и улыбки тётушек в платочках. Эти воспоминания для него всегда были радостными. Но сейчас ему было совсем не радостно. Лицо Степаныча застыло, и было видно, что он о чём-то серьёзно думает. Время для него остановилось.

Это видел и Кроша Зёрнышкин, который, переминаясь с лапки на лапку, то и дело поглядывал на мельника, пытаясь понять, что происходит с его хозяином. Глазки хомячка растерянно бегали. Носик, как мячик, скакал по усатой мордочке. Первый раз в своей жизни хомячок был в недоумении. Он пытался вспомнить всё, что произошло с мельником за эти два дня, но, конечно же, понять ничего не мог.

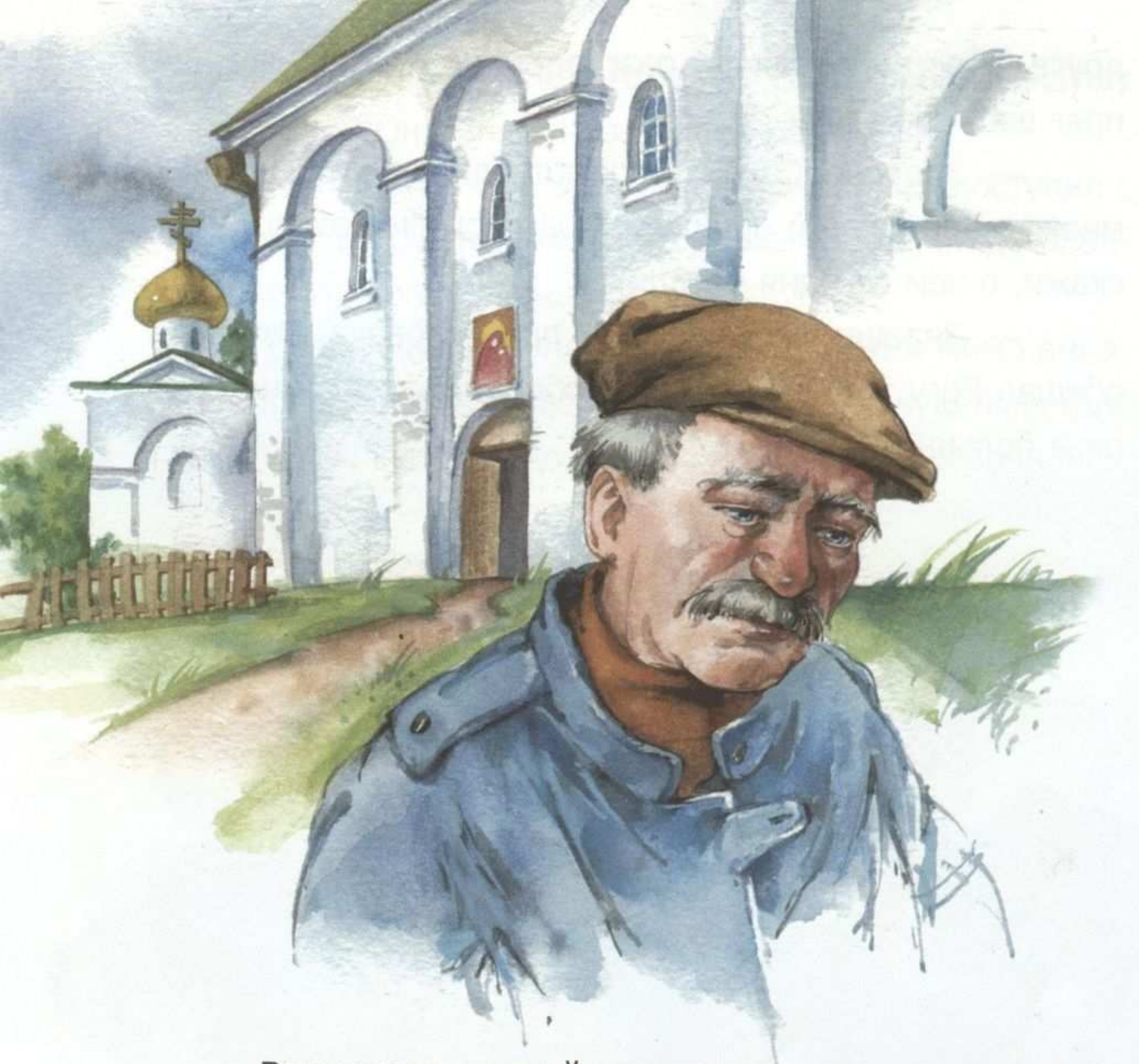
Ничего не понимал и Степаныч, и только лишь смотрел в окно, как в пустую витрину магазина, и наблюдал, как мимо его калитки проходили люди.

Не успел Зёрнышкин слезть со своей лежанки, как Степаныч куда-то исчез. Кроша от удивления зашевелил усами и начал искать своего хозяина, но все его поиски оказались безуспешными. Мельник ушёл туда, где звонили в колокола, где когда-то в детстве ему было так радостно, — он ушёл в храм.

Стоять в храме и слушать о чём-то непонятном для Степаныча, спустя столько лет, было уже тяжело. Он, мужик недюжинной силы, почувствовал, что в самый напряжённый день на мельнице было легче работать, чем просто находиться в храме. Мельник стал внимательно рассматривать людей и не увидел в них того, что видел, когда был маленьким. Потерял Степаныч свою доброту, поэтому и не видел её в других. А потому и радостно ему уже не было. Мельник пожал плечами и, не понимая, что же с ним случилось, решил уйти.

Перед выходом он оглянулся, чтобы ещё раз посмотреть на людей, как вдруг увидел Настасью.

Мельник побледнел. Он испугался, что старушка его заметит, и захотел быстренько куда-нибудь спрятаться, или исчезнуть, или даже провалиться сквозь землю. Если бы Настасья на него взглянула, то в жизни Степаныча случилось бы что-то неожиданное, о чём раньше он даже и не задумывался и к чему не был готов.

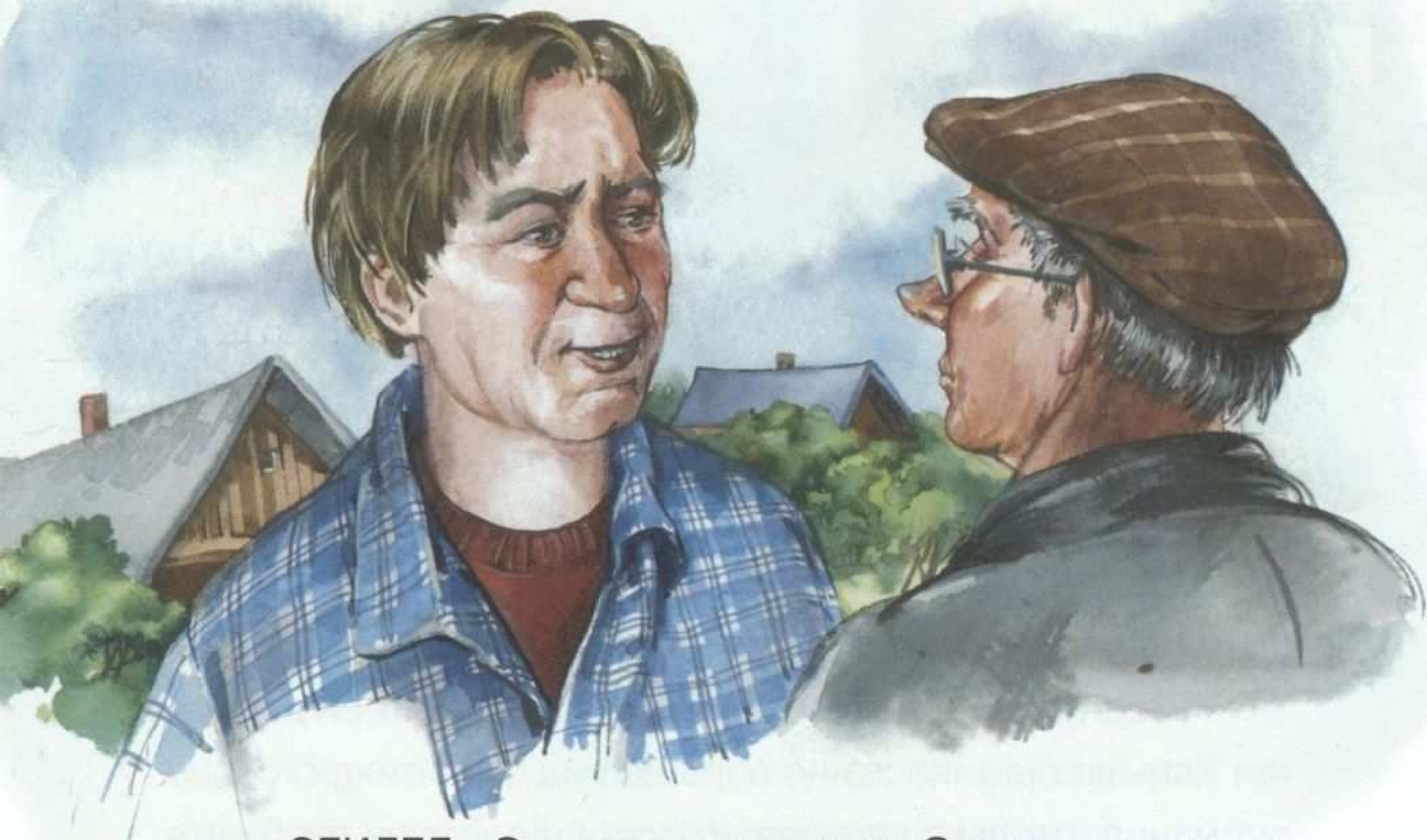
Вернувшись домой, мельник понял, что ему стыдно. Раньше он никогда не обращал на свой стыд столько внимания, сколько сегодня. Колокольный звон разбудил в Степаныче внутренний голос, который всё сильнее говорил ему, что он сделал что-то не так. Это был голос совести, Божий голос в его душе.

Мельник вышел во двор и сел на скамейку. Мимо его дома проходили возвращающиеся из храма люди. И так случилось, что возле его забора встретились два

друга и, остановившись, разговорились. Степаныч напряг весь свой слух.

— Здорово, Санёк! — сказал один из них. — Я немножко приболел и пришёл в храм совсем поздно. Расскажи, о чём сегодня читали?

— Знаешь, Иван, читали про человека, который обещал Богу, что тем, кого он обидел, отдаст в четыре раза больше...

ОБИДЕЛ... Это слово шарахнуло Степаныча так, как будто его кто-то обухом огрел по голове. Мельник уже больше не слышал, о чём продолжали разговаривать мужики. Три слова: Настасья... стыдно... обидел... — слились воедино в его мыслях и гремели, как симфонический оркестр. Мельник ещё раз вспомнил: «...обещал Богу, что тем, кого обидел, отдаст в четыре раза больше...».

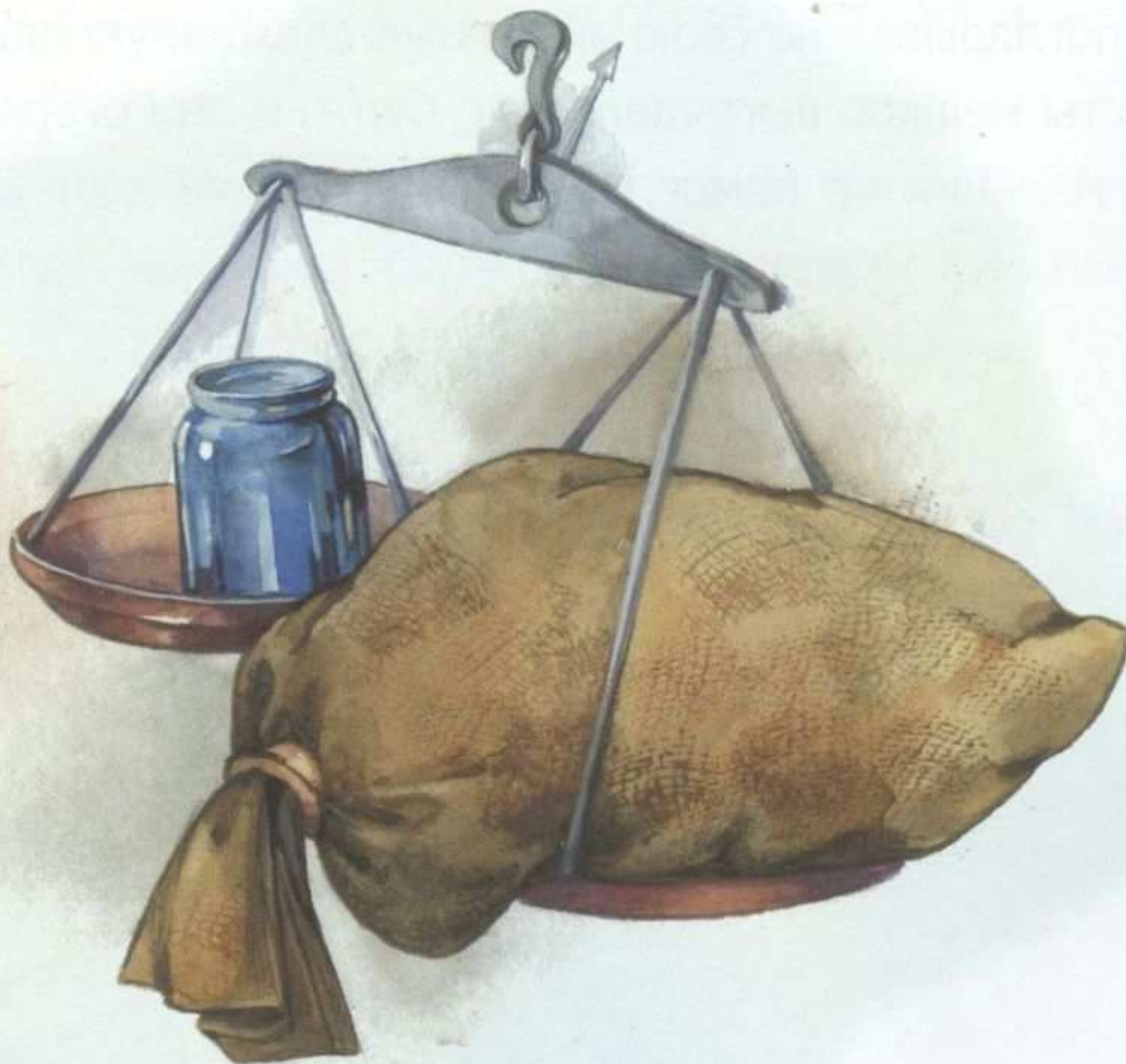
С этими словами как будто лучик света проник в душу Степаныча. Он понял, что обидел Настасью.

Мельнику стало жаль, что он вчера так поступил с одинокой старушкой. Немного поразмыслив, он догадался, что нужно сделать.

Степаныч вернулся домой и прошёлся мимо амбара, поглядывая на свою аккуратно сложенную пшеницу. Хвосты мешков выглядели так, будто и они огорчились, что мельник не помог Настасье. Походив взад-вперёд, он вытянул мешок добротной пшеницы, взвалил его на плечи и, слегка крякнув, толкнул дверь ногой.

Степаныч вышел во двор. Мельник шёл и думал, не переборщил ли он с целым мешком? «... В четыре раза», — бормотал он себе под нос, медленно открывая калитку. Душа его скряжничала.

— Жадина, — вырвалось из груди, и мельник уверенно вышел на улицу.

С этого момента радость приблизилась к нему.

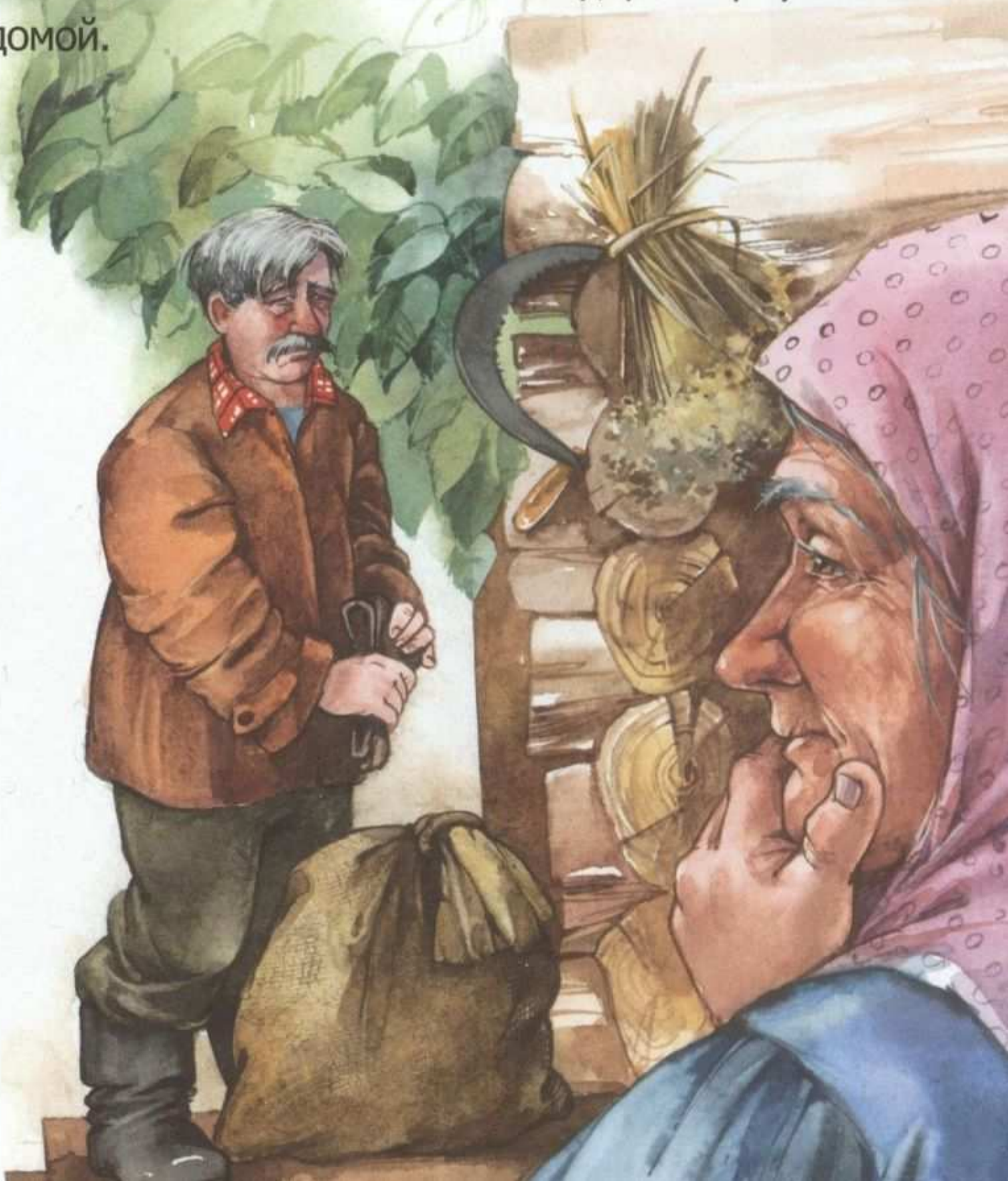
Оказавшись на крыльце дома старухи, Степаныч глухо ударил своим кулаком в дверь, да так сильно, что даже штукатурка где-то брякнула о землю. Настасья вышла и от неожиданности застыла на пороге.

Одним движением руки мельник бухнул свой мешок на её ветхое крылечко. Между ним и одинокой старухой разостлался столб пыли.

— Ой! Ты что?— вскрикнула удивлённая Настасья. Степаныч, скомкав в руке свою кепку, с чувством вины посмотрел на старушку и сказал:

— Прости, обидел я тебя вчера. Пожадничал, не подумал, каково тебе живётся. Приходи ко мне в другой раз, я тебе не откажу, насыплю тебе ещё и муки.

И, как кот, который разлил молоко из блюдечка, виновато убегает, чтобы его не ругали, так и Степаныч, шаркнув своей здоровенной ногой по песку, развернулся и пошёл домой.

Настасья всплакнула. Это были слёзы радости о том, что Степаныч изменился и стал чуточку добрее. В душе она благодарила Бога, что Он вразумил её соседа.

Конечно, наш Кроша всего этого не видел и не мог видеть, потому что всё время провалялся на своей лежанке. Да и как ему, уса-тику, разобраться в делах человеческих? Но он смог увидеть ту разницу, которая произошла между Степанычем вчерашним и Степанычем сегодняшним. Вчера он был угрюмый и печальный, а сегодня — какой-то радостный. Вчера приходила Настасья с пустой банкой, сегодня — у мельника нет мешка с пшеницей.

Зёрнышкин смекнул, в чём тут дело. Он сразу вспомнил о вчерашнем писке голодного мышонка и о своём странном и небывалом настроении. Глядя на Степаныча — сам преобразился. Шёрстка встрепенулась, глаза загорелись, лапки спохватились и побежали. Кроша выкатил свою тележку и помчался, да так быстро, что только пятки сверкали.

2500

Бу-бух!!!

Столб пыли рассеялся, и было видно, как радостный Кроша смотрел на удивлённого голодного мышонка.

Бу-бух!!! Бу-бух!!! Бу-бух!!!

Четыре небольших мешочка с пшеничкой уже стояли между хомячком и тем самым грязным мышонком, мимо которого Зёрнышкин прошёл вчера.

Мышиной радости не было конца. С этих пор мышонок Пик и хомячок Зёрнышкин стали неразлучными друзьями. А что такое жадничать, наш хомяк уже и забыл. Теперь у него полно работы. Он — главный помощник Степаныча по заготовке зерна. Ведь у них ещё столько соседей...

*По благословению
Высокопреосвященнейшего Филарета,
Митрополита Минского и Слуцкого,
Патриаршего Экзарха всей Беларуси*

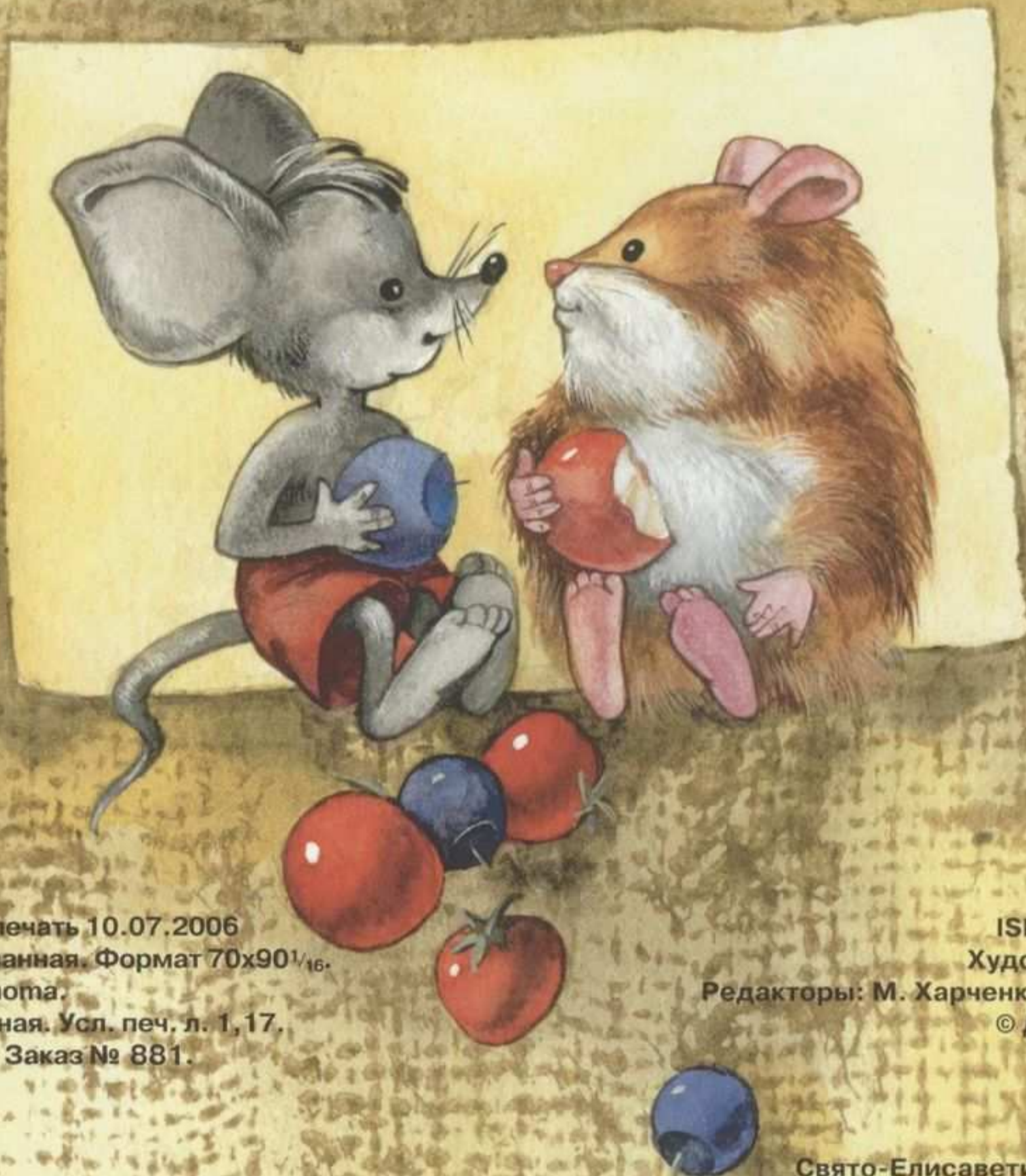
Литературно-художественное издание

Дмитрий Харченко

Как хомячок Кроша Зёрнышкин научился быть добрым

Рассказ для детей о совести

Свято-Елисаветинский женский монастырь в г. Минске, 2006

Подписано в печать 10.07.2006
Бумага мелованная. Формат 70x90^{1/16}.
Гарнитура Таhоmа.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 1, 17.
Тираж 15100. Заказ № 881.

ISBN 985-6728-51-7
Художник Е. Карпович
Редакторы: М. Харченко, А. Колесникова
© Д. Харченко, 2004

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Свято-Елисаветинский монастырь
220059, Республика Беларусь
г. Минск, пер. Марусинский, 3
ЛИ № 02330/0131806 от 30.04.2004
Тел./факс: (+375 17) 289-02-47
E-mail: monaster_nov@tut.by